

ГИГАНТ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДЭВИД
Болдаччи

ЧИСТАЯ ПРАВДА

ГРАНД МАСТЕР

Москва
2019

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б79

David Baldacci

THE SIMPLE TRUTH

Copyright © 1998 by Columbus Rose, Ltd.

Оформление серии *А. Саукова*

© Photo by Alexander James

Болдаччи, Дэвид.

Б79 Чистая правда / Дэвид Болдаччи ; [пер. с англ. В. А. Гольдича, И. А. Оганесовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 576 с.

ISBN 978-5-04-103587-7

Двое братьев, Джон и Майкл, оба стали юристами. Но один был успешен, дослужился до помощника верховного судьи США, а второй так и остался малооплачиваемым адвокатом в захолустье. Они не общались много лет. А потом одного из них не стало. Второму предстоит разобраться в тайне его убийства — и в запутанном клубке собственных чувств... Параллельно мы узнаем историю Руфуса Хармса, чернокожего гиганта, который провёл 25 лет за решеткой за убийство маленького ребенка, — это и есть ключ к разгадке смерти брата. Вот только Руфус сбежал из тюрьмы...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Copyright © 1998 by Columbus Rose, Ltd.
© Гольдич В.А., Оганесова И.А.,
перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103587-7

Посвящается Мишель

*Простая правда состоит в том,
что я не могу без тебя жить.*

*И еще я с любовью посвящаю эту книгу
памяти Бренды Гейл Дженнингс,
особенному ребенку.*

МОЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

И снова Дженнифер Штайнберг — за потрясающие исследования.

Лу Саккоччио — за неоценимую помощь в вопросах армейских законов.

Ли Каллигаро, чьи истории о службе в качестве начальника военно-юридической службы во время войны во Вьетнаме буквально заворожили меня и который является лучшим адвокатом, какого мне доводилось встречать.

Семье «Уорнер букс» — Ларри, Морин, Мелу, Эми, Тине, Хетер, Джекки Дж. и Джекки М. — и всем остальным, кто входит в отряд великолепных и преданных своему делу людей, которые невероятно обогатили мою жизнь.

Моей матери — за удивительные, полные деталей рассказы о Юго-Западной Вирджинии, которую она так хорошо знает.

Карен Шпигель, которая провела со мной очень много времени, работая над этой историей.

Адвокату Эду Вону, объяснившему мне некоторые тонкости законодательных и процессуальных норм Вирджинии.

И всем, кто помог разобраться в жизни завораживающего учреждения под названием Верховный суд США.

Моему другу и агенту Аарону Присту, который во время написания романа, как всегда, оказал неоценимую помощь своими советами.

Фрэнсис Жале-Миллер, вложившей столько времени, усилий и души, чтобы помочь мне полностью реализовать потенциал этой книги. Я бы без вас не справился.

Правда редко бывает чистой
и никогда простой.

Оскар Уайльд

ГЛАВА 1

В этой тюрьме толщина стальных дверей достигает нескольких дюймов; когда-то они были новыми и гладкими, но сейчас их серая поверхность испещрена множеством вмятин и следов от голов, коленей, локтей, зубов и пятнами засохшей крови. Тюремные письма, повествующие о боли, страхе и смерти, останутся здесь навсегда — по крайней мере, до тех пор, пока не появится новая стальная плита. На уровне глаз в двери имеется маленькое квадратное окошко: сквозь него охранники заглядывают внутрь и направляют ослепительный луч света на человеческое стадо, за которым они наблюдают.

Время от времени, безо всякого предупреждения, они начинают колотить дубинками по толстому металлу, наполняя все вокруг похожим на пистолетные выстрелы оглушительным грохотом. Те, кто здесь давно, переносят это испытание спокойно, сидят, уставившись в пол, изучая пустоту — свою жизнь, — бросая происходящему своего рода вызов; впрочем, никто не обращает на него внимания, потому что всем плевать. Новичков же всякий раз наполняет ужас, они сжимаются, не в силах с ним справиться; некоторые с изумлением смотрят на свои намокшие от мочи хлопковые брюки, следя, как струйка стекает в черные короткие башмаки. Они скоро научатся справляться со страхом, будут стучать по

двери в ответ, изо всех сил стараясь прогнать детские слезы и подступающую к горлу тошноту. Если они хотя бы здесь выжить.

Ночью камеры превращаются в пещеры, где царит крошечная тьма, если не считать диковинных теней в углах.

Этой ночью снаружи бушевала страшная гроза, и когда молнии устремлялись с неба к земле, они озаряли камеры, проникая внутрь сквозь маленькие окошки из плексигласа, и с каждой новой вспышкой на противоположной стене появлялись четкие квадратики проволоки, укреплявшей стекло.

Во время очередной такой вспышки из темноты, как будто вдруг расступилась поверхность воды, всплыло лицо мужчины. В отличие от тех, кто находился в других камерах, он сидел один, думал один и никого не видел. Другие заключенные его боялись. И даже охранники, хотя у них и было оружие — потому что его размеры поражали воображение. Когда он проходил мимо камер, ожесточившиеся, живущие насилием мужчины, умеющие за себя постоять, отворачивались.

Его звали Руфус Хармс, и в военной тюрьме Форт-Джексон за ним закрепилась репутация убийцы. Все знали, что он уничтожит любого, кто рискнет с ним связаться. Он никогда не нападал первым, но исход всегда был в его пользу. Двадцать пять лет заключения взяли свое, и, как кольца на пне, шрамы на коже Хармса и плохо залеченные переломы стали летописью его пребывания здесь. Однако гораздо более серьезный урон понесли мягкие ткани мозга, где жило то, что делало его человеком: память, размышления, любовь, ненависть, страх. Все это покрылось налетом грязи, отвернулось от него. Особенно память, которая превратилась

в унижительную опухоль, терзавшую его, точно кусок железа, упирающийся в позвоночник.

Впрочем, громадное тело Руфуса все еще сохраняло свою мощь, о которой говорили длинные, узловатые руки и могучие плечи; мощный торс указывал на то, что этот человек наделен недожинной силой. И все же Хармс напоминал клонящийся к земле дуб: часть его ветвей умирала, другие высохли совсем, корни с одной стороны были вырваны из земли, и его уже никто не мог спасти. Он являл собой живой оксюморон: мягкий человек, глубоко верующий, уважающий других — и одновременно безжалостный убийца. И по этой причине охранники и другие заключенные его не трогали, что Руфуса вполне устраивало. Мешок золота, луч надежды, возможность выбраться отсюда...

Еще одна вспышка молнии показала покрасневшие глаза, как будто в них полопались все сосуды, но уже в следующее мгновение свет упал на мокрое от слез суровое, мрачное лицо. Когда стало темно, Хармс разгладил листок бумаги, стараясь не шуметь и не привлекать охранников, дабы те не явились разнюхивать, что происходит.

Свет погасили несколько часов назад, и с этим ничего было не поделать. Как и четверть века до нынешнего мгновения, мрак отступит, только когда начнется рассвет. Впрочем, темнота не имела значения. Хармс уже прочитал письмо и впитал каждое его слово. Каждый слог резал, точно бритва. В верхней части листка стояла жирная эмблема Армии США. Он хорошо знал ее, потому что почти тридцать лет армия являлась его работодателем и опекуном.

Армия просила информацию у Руфуса Хармса, всеми забытого рядового, обманувшего ее ожидания еще во времена войны во Вьетнаме. Но Хармс не мог дать

им то, что они хотели. Несмотря на темноту, его палец уверенно остановился на том месте в письме, которое пробудило обрывки воспоминаний, не оставлявших его все прошедшие годы. Эти мелкие детали вызывали бесконечные ночные кошмары, однако их суть постоянно от него ускользала.

Прочитав письмо в первый раз, Хармс вплотную приблизил лицо к листку, как будто пытался отыскать скрытый смысл в напечатанных буквах, разгадать величайшую загадку своей жизни. Сегодня искореженные фрагменты неожиданно превратились в четкие воспоминания, открыли ему правду. Наконец.

Пока Хармс не получил письмо из армии, у него было только два четких воспоминания о событиях двадцатипятилетней давности: маленькая девочка и дождь. Тогда разразилась настоящая буря, совсем как сегодня. Тонкие черты лица девочки — маленький носик, кожа, еще не тронутая солнцем, возрастом или тревогами; голубые невинные глаза, в которых застыла уверенность, что ее ждет долгая жизнь. А еще белая, точно сахар, безупречная кожа, если не считать красных отметин на изящной, словно стебель цветка, сломанной шее. Эти красные следы оставили руки рядового Руфуса Хармса, те самые, что сжимали сейчас письмо, и его мысли снова оказались в опасной близости к той картине.

Всякий раз, когда Хармс думал о мертвой девочке, он плакал, не в силах сдержаться, но делал это безмолвно, и не без причины. Охранники и заключенные, все до одного, были подонками, акулами, которые за миллион миль чуют кровь, и слабость, и возможность нанести удар; видят по глазам, по тому, как расширяются поры кожи, даже ощущают в запахе пота. Здесь все чувства обострены до предела. Здесь сила, быстрота, жесткость и ловкость означают жизнь. Или смерть.

Он стоял рядом с ней на коленях, когда их обнаружил военный коп. Тонкое платье облепило крошечное тело, которое сливалось с сырой землей, как будто ее сбросили с огромной высоты, и она лежала в неглубокой могиле. Хармс взглянул на копа, но видел лишь переплетение темных силуэтов. Он еще никогда в жизни не испытывал такой ярости; его отчаянно тошнило, глаза застилала пелена, пульс, дыхание и давление зашкаливали. Руфус обхватил голову руками, точно хотел удержать мозг, готовый вырваться наружу сквозь кости черепа, ткани и волосы и наполнить сырой воздух.

Когда он снова посмотрел на мертвую девочку, а потом на свои дрожащие руки, отнявшие у нее жизнь, гнев отступил, как будто кто-то вытащил пробку, которая его удерживала. Неожиданно тело перестало ему подчиняться, и Хармс стоял на коленях, погрузившихся в жидкую грязь, мокрый и дрожащий. Громадный черный вождь племени, нависший над маленькой, бледнокожей жертвой — так позже описал эту картину один из свидетелей.

На следующий день он узнал имя девочки: Рут Энн Мосли, десять лет, из Колумбии, Южная Каролина. Она с родителями приехала в гости к брату, служившему на базе. В ту ночь Хармс познакомился с Рут Энн Мосли, точнее, увидел ее мертвое тело, маленькое — нет, крошечное — по сравнению с его шестью футами и пятью дюймами и тремястами фунтами¹. Расплывчатый образ приклада винтовки, которой военный коп ударил его по голове с такой силой, что он рухнул на землю рядом с девочкой, был единственным смутным воспоминанием, сохранившимся в сознании Хармса от той ночи. Безжизненное лицо девочки смотрело в небо, и в

¹ Соответственно 197 см и 136 кг. — *Здесь и далее прим. пер.*

каждом неподвижном углублении скапливалась дождевая вода. Руфус упал лицом в грязь и больше ничего не видел. И ничего не помнил. До сегодняшнего вечера...

Хармс сделал глубокий вдох, наполнив легкие пропитанным дождем воздухом, и посмотрел в полуприкрытое окно. Неожиданно он превратился во все еще редкое животное: невинного человека в тюрьме.

За прошедшие годы Руфус убедил себя, что зло, точно раковая опухоль, пряталось внутри него. Он даже подумывал о самоубийстве, которое стало бы наказанием за то, что он отнял жизнь у другого человека, и что ужаснее всего, у ребенка. Но Хармс был глубоко религиозным человеком и обратился к Богу давно, а не когда попал в тюрьму. Он не мог совершить грех и лишиться себя того, что даровал ему Всевышний. К тому же он знал, что убийство девочки приговорило его к загробной жизни в тысячи раз страшнее той, что была у него сейчас. Поэтому он не особенно туда спешил, считая, что пока лучше находиться здесь, в сотворенной руками людей тюрьме.

Теперь Руфус понял, что его решение жить дальше было правильным. Бог все знал — и удержал его от греха ради этого момента. С ошеломляющей ясностью Хармс вспомнил мужчин, которые пришли за ним на гауптвахту в тот вечер. Перед его мысленным взором снова появились лица, и форма, и знаки различия — его товарищи по оружию. Он помнил, как они окружили его, точно волки добычу, осмелевшие от того, что их много, слышал ненависть в их словах. То, что они тогда с ним сделали, убило Рут Энн Мосли. И его тоже — во всех смыслах.

Для тех людей Руфус Хармс был сильным, здоровым солдатом, который никогда не сражался за свою

страну, и он получил то, что заслужил — так они, вне всякого сомнения, считали. Теперь он стал мужчиной среднего возраста и медленно умирал в клетке за преступление, совершенное много лет назад. И не видел даже намека на правосудие на свой счет.

Однако, несмотря на все это, Руфус Хармс смотрел в привычную темноту своей камеры, чувствуя, как его охватывает одно-единственное страстное желание: после двадцати пяти лет страданий от жуткой, испепеляющей вины, которая мучила его, ни на мгновение не отступая, он решил, что теперь пришла его очередь. Руфус сжал в руках потрепанную Библию, подаренную матерью, и пообещал Богу, не оставившему его в самые трудные мгновения, что это обязательно произойдет.

ГЛАВА 2

■ —————

Ступеньки, которые вели в здание Верховного суда США, были широкими и, казалось, бесконечными. Подниматься по ним — все равно что взбираться на гору Олимп, чтобы попросить аудиенции у Зевса, что на самом деле и происходило в реальности. На фасаде над главным входом выгравировано: ПЕРЕД ЗАКОНОМ ВСЕ РАВНЫ. Историческая фраза родилась не в каком-нибудь важном документе или на заседании суда, а в голове архитектора по имени Кэсс Гилберт, который спроектировал и построил здание. И блестяще решил пространственную задачу: эти слова безупречно поместились на место, отведенное Гилбертом для запоминающейся юридической фразы.

Великолепное здание возвышалось над землей на четыре этажа. По иронии судьбы Конгресс выделил